ЭКОНОМИКА
И МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

1975
том XI, вып. 1

ЦЕННОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОПТИМАЛЬНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ*

В. Г. ГРЕБЕННИКОВ, О. С. ПЧЕЛИНЦЕВ, С. С. ШАТАЛИН

(*Москва*)

Разработка проблемы диалектической взаимосвязи производства и потребления, установление неразрывного единства этих моментов общественного воспроизводства при социализме явились важным достижением экономической теории социализма. Одним из выражений этой диалектической взаимосвязи служит категория общественной полезности, представляющая теоретическую фиксацию объективного существования «принципиально единой меры общественных потребностей и производственных возможностей социалистического общества, позволяющей соизмерить эффективность затрат ресурсов относительно результатов производства» [1, стр. 652].

Разработка категории общественной полезности и всего комплекса связанных с ней количественных и качественных отношений отражает растущее значение народного благосостояния — высшей цели общественного производства при социализме. Речь идет о необходимости такой политико-экономической характеристики продукта социалистического производства, которая бы адекватно выражала соответствие его цели социалистического производства. Толкование потребительной стоимости как совокупности только естественных, сугубо физических свойств товара, очевидно, неспособно выразить новую роль продуктов труда в условиях развитого социализма. Понятие общественного значения продукта все больше связывается с выполнением им требований основного экономического закона социализма; соответственно экономическая ценность становится синонимом полезного эффекта от участия продукта в создании полного благосостояния социалистического общества.

Общепризнанным свойством любой оптимальной модели является то, что получаемые из ее решения оценки имеют ту же размерность и природу, что и показатель критерия оптимальности плана, иначе говоря, вбирают в себя экономическое содержание целевой функции. И коль скоро речь идет об общей модели социалистического производства, глобальный критерий которой закономерно связан с формулой основного закона, то указанное свойство может означать только одно: ее оценки суть показатели общественной полезности продуктов и ресурсов (или же они вообще не существуют). Но это значит, что категория общественной полезности приобретает важное идеологическое значение в качестве научной формулы, указывающей на принципиальное отличие социально-экономического содержания ценностных показателей социалистического производ-

* В порядке постановки.

ства от внешне сходных стоимостных характеристик капиталистического хозяйства *.

Категория общественной полезности отражает реальную практику сознательного выбора между плановыми альтернативами, ибо всякая плановая деятельность неявно исходит из предпосылки соизмеримости полезных эффектов. Соответствующая задача ставится и решается всякий раз, когда мы проверяем целесообразность переключения части ресурсов общества с одного производства на другое. Но в «чистом виде» она формулируется лишь тогда, когда мы сравниваем варианты плана, требующие для своего осуществления одинаковых количеств труда и различающиеся только полезными эффектами.

Поскольку понятие общественной полезности является в настоящее время предметом оживленной политэкономической дискуссии, необходимо еще раз остановиться на роли его в теории оптимального планирования.

Под общественной полезностью здесь понимается потребительная стоимость, достигшая определенности экономической формы, т. е. получившая новое качество в связи с превращением ее в высшую цель социалистического производства. Мы не разделяем мнения тех экономистов, которые готовы признать за общественной полезностью роль общеисторической категории. К области политической экономии «потребительная стоимость относится только лишь тогда, когда она сама выступает как определенность формы» [К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 14]. Но это значит, что реальное ценностное значение категория потребительной стоимости может приобрести (и тем самым трансформироваться в категорию общественной полезности) лишь после разрушения всеобщего господства формы стоимости.

Во избежание всяческих недоразумений следует заметить, что «адресатом» категории общественной полезности является отнюдь не индивидуум (как во всей буржуазной политической экономии), а общество в целом как хозяйствующий субъект.

Субъективно-психологическая трактовка полезности по существу не выходит за рамки исходной изолированности оценивающих субъектов, чисто механической модели их общественных взаимосвязей. В действительности, природа индивидуального социальна, личность реализует себя как человеческую личность только в совокупности общественных отношений. Разумеется, объективной социально-экономической предпосылкой становления общественной полезности в качестве реального отношения является превращение человека из простого средства в цель общественного производства, снятие отчуждения между личностью и обществом. Теоретической фиксацией этого отчуждения и служила в буржуазной политической экономии концепция несводимости индивидуальных полезностей.

Разумеется, нельзя представлять дело таким образом, что функция общественного благосостояния полностью («без остатка») растворяет в себе все богатство индивидуальных предпочтений. Наоборот, сама эта функция общественного благосостояния существует объективно только как процесс одновременного формирования и общественного признания личных, групповых, региональных, отраслевых и т. п. интересов. Социалистическая практика давно нашла общие средства реализации этого процесса применительно к условиям первой фазы развития коммунистического общества: механизмы хозяйственного расчета и распределения по труду, денежные

* Достаточно признавать различие целей этих двух систем, чтобы стала настоятельной потребность в терминологическом различении также и форм экономической ценности. Поскольку именно потребительная стоимость образует цель социалистического производства, категория общественной полезности становится наиболее естественным воплощением и данного требования.

формы опосредования процессов реализации и т. п., обслуживающие и дополняющие основной механизм централизованного распределения ресурсов и обеспечения общественного благосостояния.

Вопрос о принципиальной соизмеримости полезных эффектов тесно связан с вопросом о социально-экономическом содержании соизмерительных процедур. Содержание это неотделимо от цели измерительных процедур, последняя же — от цели самого производства. В той мере, в какой мы осуществляем новую цель производства, мы реализуем новую меру экономической ценности на практике*. Речь идет, таким образом, о сложном, отнюдь не «автоматическом» и гладком историческом процессе изменения содержания соизмерительных процедур и самих экономических показателей в направлении отмирания стоимости и утверждения общественной полезности. Этот процесс отражает развитие социалистического планирования и механизма хозяйствования по пути все более полного учета требований основного экономического закона, т. е. превращение их в оптимальное планирование и оптимальное функционирование социалистической экономики.

В более практическом плане требование учета общественной полезности всегда было направлено против отождествления фактических и общественно необходимых затрат и автоматического общественного признания всякого прошлого труда, которое в односторонней форме фиксировало экономические интересы предприятий-производителей, в особенности тех из них, которые в наименьшей степени учитывали общественные потребности. Борьба против этой трактовки непосредственно общественного характера труда при социализме лежит в основе всей современной дискуссии по ценообразованию. С развитием теории оптимального планирования связан наиболее последовательный анализ той роли, которую играет фактор общественной потребности в формировании общественно необходимых затрат при социализме.

С учетом всех этих обстоятельств принципиальное решение вопроса о соизмеримости полезных эффектов в условиях социализма оказывается совершенно противоположным тому, которое предлагают, например, А. Я. Боярский и Я. А. Кронрод (которые акцентируют внимание, главным образом, на технической стороне дела: «как соизмерять сапоги с яйцами, цемент со сливочным маслом» и т. п.). В действительности речь должна идти о содержательной стороне, об изменении самой природы экономических оценок с переходом от капитализма к социализму, о том, что плановое соизмерение продуктов и ресурсов просто не может быть чем-либо иным, нежели соизмерением их потребительных стоимостей с необходимыми для их производства трудовыми затратами.

В этой связи нельзя не отметить крайне произвольный характер положения Я. А. Кронрода о том, что выражение труда в форме стоимости утверждает «производственно-трудовую концепцию экономических отношений» [2, стр. 9], чего-де нельзя сказать о концепции, развиваемой теорией оптимального функционирования социалистической экономики.

«Абстрактная полезность» против «труда» — к этому противопоставлению и сводит Я. А. Кронрод все политико-экономическое содержание проблемы соизмерения общественных полезностей продуктов.

В действительности, выражение труда в форме стоимости «утверждает», по К. Марксу, только отчужденный характер самого труда. Последний становится стоимостью лишь в застывшем состоянии, в предметной форме.

* Если в капиталистическом хозяйстве не совершается никакого явного соизмерения полезностей, то происходит это по единственной причине: потребительная стоимость не имеет непосредственного отношения к цели этого способа производства, составляя лишь условие реализации этой цели.

Любая попытка игнорировать это обстоятельство свидетельствует, на наш взгляд, о непонимании марксова учения о стоимости как об исторически преходящей категории, свойственной только товарно-капиталистическому хозяйству.

Весь смысл марксовой теории стоимости, отличие ее, к примеру, от теории стоимости Смита и Рикардо, заключается именно в анализе социального содержания этой экономической категории. Если буржуазная политэкономия ограничивалась исследованием величины стоимости, то К. Маркс поставил в центр внимания вопрос о форме стоимости, т. е. о природе и причинах соизмерения затрат и результатов общественного производства в терминах количеств овеществленного труда. Уже в «Нищете философии» К. Маркс пишет: «...измеряемая рабочим временем относительная стоимость роковым образом оказывается формулой современного рабства рабочего, вместо того чтобы быть, как того желает г-н Прудон, «революционной теорией» освобождения пролетариата» [К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 88].

В некоторых работах стали почти штампом выражения «трудовая стоимость», «теория трудовой стоимости», а ведь в глазах классиков марксизма-ленинизма стоимость была трудовой лишь с точки зрения своего источника, субстанции, но отнюдь не с точки зрения ее социальной роли; последняя как раз характеризуется непримиримой враждебностью к живому труду. Иными словами, в отличие от современных ему экономистов К. Маркс видел в стоимости не форму утверждения достоинства труда, но форму его отчуждения.

Положительная функция труда выступает непосредственно только в условиях социализма и раскрывается теорией оптимального планирования через понятие цели социалистического производства. Максимизация общественной полезности предстает здесь как задача всестороннего развития личности, т. е. в конечном счете, как цель производства и воспроизводства свободной человеческой деятельности, что определяет и субстанцию экономической ценности *.

В настоящее время объективное существование общественной полезности признается все большим числом экономистов. Центр тяжести дискуссии перемещается на проблему ее измеримости. Здесь, по нашему мнению, уместно выделить два вопроса: 1) о принципиальной соизмеримости полезных эффектов; 2) о конкретной форме такого измерения.

В настоящее время эти два вопроса фактически смешиваются под влиянием популярного представления, отождествляющего измерение той или иной величины с ее численным выражением. В действительности даже полная невозможность выразить полезность числом отнюдь не означала бы принципиальной несоизмеримости полезных эффектов: упорядочение различных плановых альтернатив есть уже измерение общественной полезности. Это вытекает строго из смысла современной математической теории измерений, в которой применяется целый ряд измерительных шкал (номинальная, порядковая, интервальная и отношений), причем выбор той или иной из них определяется только конкретной природой измеряемого признака и отнюдь не отменяет общего характера соответствующей процедуры как измерительной.

---

* Цель социалистического производства лишь в первом приближении может выступать в качестве того или иного агрегата полезных вещей («вещественного богатства»); подлинным содержанием ее является сам человек. В последнем случае «исчезает *самостоятельная вещественная форма богатства*, и оно просто выступает скорее как деятельность людей» [К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. III, стр. 446].

Соответствующие теоретические исследования показали, что порядковая концепция полезности, основанная на простой аксиоме упорядоченных предпочтений, оказывается достаточной для получения большинства выводов теоретического характера, равно как и для практической оптимизации (с помощью норм замещения или относительных цен) экономического управления.

В литературе, посвященной измерению общественной полезности, значительное место уделяется вопросу о транзитивности (совместности) индивидуальных и групповых предпочтений. Наличие отдельных проявлений нетранзитивности истолковывается подчас (например, у А. Я. Боярского) как свидетельство несуществования функции полезности.

В действительности, значение проблемы нетранзитивности (если отвлечься от случайных ошибок в процессе потребительского выбора) определяется масштабом расхождения между агрегируемыми функциями предпочтения. Если соответствующие различия незначительны, то совокупность индивидуальных транзитивных предпочтений даст транзитивное же предпочтение для общества. Поэтому мы вполне согласны с А. Г. Гранбергом в том, что «с уменьшением социальной неоднородности возможность построения целевой функции общества принципиально облегчается» [3, стр. 92].

В вопросе о конкретном количественном выражении полезности (отнюдь не в вопросе о принципиальной ее измеримости!) современное развитие теории оптимального функционирования социалистической экономики демонстрирует значительное разнообразие подходов, что в общем соответствует сложности самой задачи.

В этом многообразии возможных подходов заслуживают быть особо выделенными два — подход с точки зрения скалярной или, как ее еще называют, «абстрактной» полезности и концепция «социальных индикаторов». По нашему мнению, именно эти два подхода наиболее отчетливо выражают противоположные тенденции в анализе общественной полезности и способны поэтому, при надлежащем их развитии, в наибольшей степени компенсировать недостатки друг друга. К понятию скалярной полезности приводят, наряду с внутренней логикой «классических» задач на экстремум, также и такие моменты, как видимая симметрия задач редукции труда задачам соизмерения полезных эффектов, постоянное оперирование общей для различных продуктов и ресурсов денежной единицей, которая в условиях социализма неизбежно выступает как мера их общественной полезности, и «гносеологический оптимизм», свойственный эпохе (если даже мы сегодня не можем выразить полезность числом, то не существует, вследствие безграничности прогресса науки, каких-либо абсолютных препятствий к тому, чтобы сделать это завтра).

В действительности, однако, соизмерение полезных эффектов (как и соизмерение трудовых затрат) не является социально-нейтральной процедурой, и внутренние проблемы его отнюдь не сводятся к трудностям вычислительных операций. Такое соизмерение всегда влечет за собой своего рода «замещение качества количеством», определенную потерю информации, заложенной в непосредственной конкретности полезных свойств продуктов и создающих их видов труда.

Крайнее выражение этого мы наблюдаем в товарном хозяйстве, где редукция конкретного труда к абстрактному и многообразия человеческих потребностей (и их объектов) к абстракции «количества удовлетворения» скрывает за собой, как известно, высокую степень отчуждения труда, разрушение самобытности и уникальности как отдельных его видов, так и самих людей — производителей и потребителей товаров. В свое время К. Маркс писал: «Представляющееся совершенно нелепым сведение всех

многообразных человеческих взаимоотношений к *единственному* отношению полезности — эта по видимости метафизическая абстракция проистекает из того, что в современном буржуазном обществе все отношения практически подчинены только одному абстрактному денежно-торгашескому отношению» [К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 409].

Очевидно, что переход к социализму в той мере, в какой он представляет восстановление многосторонней связи между трудом и потребностями, человеком и продуктом его труда, резко ограничивает нужду в таком абстрактном выражении полезности продуктов. Но параллельно с этим развертывается другой процесс: становление подлинной коллективности, размывание тех вековых барьеров, которые воздвигло отчуждение между отдельными членами общества. Содержанием этого процесса неизбежно оказывается межиндивидуальное и межгрупповое сравнение полезностей, диалектическое отрицание пресловутых «субъективных полезностей», одним словом, непрестанное воспроизведение единой меры общественной полезности как выражения экономической связанности всех членов общества в процессе их жизнедеятельности. И в этой области значение процессов соизмерения, важность их реального (а не формального только) углубления не вызывает сомнений.

Таким образом, категория абстрактной полезности носит противоречивый характер. С одной стороны, рост требований к эффективности социалистического производства, наряду с моментами, обусловливающими использование товарно-денежных форм, будут и впредь порождать тенденцию к максимально глубокому, скалярному выражению показателей общественной полезности. С другой стороны, гигантское усложнение общественной жизни, структурное богатство самой высшей цели, наконец, растущая роль неквантифицируемых социальных моментов будут столь же неуклонно ограничивать такую редукцию общественных критериев.

В этой связи большое значение приобретает разработка системы показателей социально-экономического развития. Принятие решений по социально-экономическим проблемам «отличается от задачи оптимизации по некоторому критерию прежде всего своим неформальным характером» [4, стр. 10]. Это связано с тем, что «...главным в социальной информации... является качественный, зачастую неформализуемый аспект, связанный с положением личности, социальных групп и классов в обществе, их интересами и потребностями, мотивами их деятельности и самой деятельностью, их эмоциональным и психологическим состоянием, социальным опытом и т. д.» [5, стр. 51].

Теория оптимального планирования всегда исходила из необходимости правильного сочетания качественного и количественного анализа, более того — считала предварительный отбор переменных обязательным условием построения действительно адекватной экономико-математической модели. Однако сильные упрощения реальности, неизбежные на первом этапе этого сложного дела, объективно вели к обеднению социально-экономического содержания народнохозяйственных моделей, особенно их целевого блока.

С понятием социально-экономического оптимума связано дальнейшее развитие качественного анализа в рамках самой теории оптимального планирования, движение к гармоническому синтезу различных методов научного исследования.

Разумеется, реальные возможности точной квантификации основных социальных факторов довольно ограничены *. Однако опыт управления в больших системах показывает, что даже самая грубая мера усиливает вни-

* О границах социальных измерений см., например, [6, стр. 21–33; 7, стр. 703–716].

мание к таким вещам, которые обычно рассматриваются как «качественные переменные».

Этой цели и призвана служить система социальных индикаторов. Последние должны охватывать наряду с экономикой все другие области общественной жизни, включая науку и технологию, образование и искусство, коммунистическое воспитание и здравоохранение *.

Характеристика общественного развития с помощью системы социальных индикаторов кажется на первый взгляд чем-то весьма далеким от анализа общественной полезности, чуть ли не прямым отрицанием этой категории. В действительности, между ними существует тесная теоретическая связь, а в плане практическом — отношения взаимодополнения. Планирование народного хозяйства рассматривается современной теорией оптимального функционирования социалистической экономики как «органическая часть социального планирования, т. е. планирования развития общества в целом» [8, стр. 324]. В этой связи резко возрастает значение целевой стадии планирования, что связано с расширением круга социально-экономических задач, решаемых социалистическим обществом. Сегодня «мы не только хотим,— хотели мы этого всегда,— но мы можем и должны решать одновременно более широкий круг задач» [Материалы XXIV съезда КПСС, М., Политиздат, 1971, стр. 39]. Существенно многоцелевой характер социального планирования во многом обусловлен тем, что основные ценности, реализуемые в социальном планировании, носят неинструментальный характер и лишь с большим трудом поддаются квантификации и агрегированию. На теоретическом уровне этому соответствует переход от понятия «экономического благосостояния» к понятию «общего благосостояния», включающего наряду с потреблением материальных благ и услуг также и такие трудноизмеримые, но от этого не менее важные компоненты, как отношения между людьми, положение личности в обществе, удовлетворенность трудом, качество окружающей среды и т. п.

Множественность целей социального планирования и трудность их измерения отнюдь не означают ненужности такого соизмерения и формирования (в конечном итоге) единой целевой функции общества. Речь идет лишь о необходимости процедуры согласования интересов отдельных групп и индивидов, которая наилучшим образом соответствовала бы социальной природе единого критерия, и реализующего эту процедуру социально-экономического механизма.

Одним из плодотворных подходов к построению системы многоцелевого планирования служат модели векторной оптимизации, которые в отличие от моделей скалярной оптимизации реализуют глобальный критерий оптимальности как определенный результат процесса согласования отдельных целей и интересов, а не берут его в качестве исходной предпосылки. Что касается механизма, обеспечивающего реализацию социально-экономического оптимума, то здесь особое значение приобретает выработка процедур, позволяющих наиболее полно воплотить цели всего общества в системе личных, групповых, региональных и т. п. экономических интересов. Такие процедуры должны включать наряду с учетом фактически су-

* Особую роль могут сыграть при этом социально-демографические характеристики и прежде всего показатель средней продолжительности жизни, который, как видно из статистического анализа, наиболее точно определяет деятельность здравоохранения в целом. Что касается экономических индикаторов в собственном смысле слова, то на современном этапе следует особо отметить важное значение основных характеристик инфраструктуры (включая разведанные ресурсы и показатели науки, образования и управления), определяющих наряду с национальным доходом экономический потенциал страны, т. е. не только текущий уровень производства, но и его способность к дальнейшему росту.

ществующих интересов планомерное формирование новых, непосредственно ответственных за «прирост» общественного производства (имеется в виду внедрение достижений научно-технического прогресса, освоение новых производств, развитие инфраструктурных звеньев экономики, улучшение конкретных социальных показателей и т. п.). Необходимость такого рода деятельности обусловлена наличием определенной «инерции» материальных интересов, которые имеют тенденцию в каждый данный момент соответствовать скорее сложившейся материально-вещественной структуре производства, нежели структуре общественных потребностей.

* *
*

Главное в построении механизма оптимального функционирования социалистической экономики — вопрос о методах органического сочетания централизованного государственного планирования и управления развитием народного хозяйства с оперативной хозяйственной самостоятельностью, материальной ответственностью и инициативой отдельных производственных ячеек социалистического общества, материальной заинтересованностью трудящихся в развитии общественного производства, повышении его экономической эффективности. Решению этого вопроса и следует подчинять теоретико-методологический анализ роли товарно-денежных отношений в социалистическом хозяйстве.

Вопрос о мере экономической самостоятельности отдельных производственных ячеек, способах органического сочетания централизованного планомерного управления развитием социалистической экономики с хозяйственной самостоятельностью ее отдельных звеньев объективно определяется большой группой факторов, лежащих как на стороне производительных сил, так и на стороне «общественного знания»: масштабами и сложностью производственных связей в народном хозяйстве, развитием структуры потребностей, уровнем развития экономической теории, включая сюда и разработку методов и алгоритмов планирования и управления, качеством и количеством электронной вычислительной техники, информации и т. д. Стратегическая линия в решении этой проблемы состоит в том, чтобы обеспечить действительно оптимальное использование производственных ресурсов социалистического общества.

Экономическая самостоятельность производственных ячеек, естественно, предполагает не только определенную свободу хозяйственного выбора, но и материальную заинтересованность в наиболее эффективном выполнении планового задания центрального планирующего органа. Таким образом, природу экономической самостоятельности отдельных производственных ячеек социалистического общества определяют, на наш взгляд, два главных момента — необходимость на стадии социализма материальной заинтересованности отдельных трудящихся и их коллективов в результатах производства, а также невозможность и неэффективность «прямого» планирования и управления развитием народного хозяйства из одного центрального планирующего (управляющего) органа по всей конкретной номенклатуре огромной массы производственных параметров, поскольку экономика является чрезвычайно сложной системой.

Экономическая самостоятельность локальных звеньев может выступать и как органический элемент планомерного функционирования, и (в форме относительной экономической обособленности) как основа товарно-денежных отношений, противоречащих сути плановых отношений.

Но как раз это противоречие отрицается теоретической концепцией, рассматривающей планомерность и товарно-денежные отношения как

нечто органически единое. Теоретико-методологической основой этой концепции является, на наш взгляд, отождествление товарно-денежных отношений как сущности определенного типа экономических отношений в обществе и товарно-денежных форм таких, как цена, прибыль и т. д., которые могут существовать вне отношений товарного производства и действительно быть элементом планомерного механизма регулирования социалистической экономики.

Чем в большей мере функционирование социалистической экономики становится планомерным, т. е. сознательно оптимизируемым, чем в большей степени основной экономический закон социализма регулирует темпы и пропорции развития социалистической экономики, тем в большей мере формирование цен и других ценностных показателей теряет связь с товарно-денежными отношениями и подчиняется специфическим закономерностям функционирования планомерной формы хозяйства.

Как уже неоднократно отмечалось в экономической литературе, в силу ряда объективных причин социалистическая экономика функционирует как иерархически планируемая и управляемая система, в которой отдельные производственные ячейки обладают определенной хозяйственной самостоятельностью, осуществляют свою деятельность на основе хозяйственного расчета, имеют, в определенных пределах, право свободного выбора тех или иных экономических решений.

Построение системы оптимального функционирования социалистической экономики, следовательно, означает создание условий, которые обеспечивают органическое согласование глобального, народнохозяйственного критерия оптимальности с локальными критериями оптимальности хозяйствования отдельных производственных ячеек социалистического общества, действующих в условиях определенной экономической самостоятельности. Цены и другие ценностные показатели и являются одним из важнейших инструментов такого согласования.

Естественно, что для выполнения этой функции, цены в социалистической экономике должны формироваться в соответствии с принципом оптимальной планомерности, направленность которой определяется основным экономическим законом социализма, народнохозяйственным критерием оптимальности развития социалистического общественного производства.

Говоря о плановом социалистическом товарном производстве, о планомерном овладении действием закона стоимости, о том, что товарные отношения являются элементом механизма планомерного регулирования социалистической экономики, экономисты, разделяющие подобные взгляды, хотят подчеркнуть коренную специфику товарно-денежных отношений при социализме, их принципиальное отличие от отношений товарного производства в капиталистическом хозяйстве, которое регулируется механизмом стихийного взаимодействия различных экономических сил. Однако эта специфика сразу же забывается, когда речь заходит о принципах формирования ценностных показателей функционирования социалистической экономики. Дело ограничивается поисками «социалистической модификации стоимости». При этом в число факторов, объективно обусловливающих эту модификацию, не включаются те, которые имеют решающее значение для планомерного установления цен в социалистической экономике, для выполнения ими функций согласования народнохозяйственных и локальных экономических интересов, оптимальности развития социалистической экономики в целом и ее отдельных производственных звеньев.

Концепции ценообразования, не связывающие формирование ценностных показателей в социалистической экономике с оптимальным планированием и управлением, априорны в том смысле, что они ищут основу и принципы формирования цен вне механизма оптимального планирования

и функционирования социалистического хозяйства. Они пытаются решить частную проблему, не рассматривая общего, целого, не видя места и функциональной роли частного в общем.

В силу иерархического построения процессов планирования и управления социалистической экономикой, как уже отмечалось, в ее функционировании можно выделить два типа производственных отношений: «вертикальные» отношения между производственными ячейками разных уровней народнохозяйственной иерархии, отношения между управляющими и управляемыми хозяйственными единицами и «горизонтальные» отношения между производственными ячейками одного уровня планирования и управления. «Вертикальные» производственные отношения принципиально порождаются наличием высшего народнохозяйственного планирующего органа, который выступает носителем народнохозяйственных интересов, специфически социалистического экономического феномена. Планомерность является характеристикой преимущественно «вертикальных» производственных отношений.

Ценностные отношения в социалистической экономике могут существовать как форма товарных отношений, а также как непосредственный элемент механизма оптимального планомерного регулирования социалистического производства, отражающий единство «горизонтальных» и «вертикальных» отношений между управляющими и управляемыми экономическими объектами.

Как показывают исследования, цены при разработке и реализации оптимального плана используются для:

а) соизмерения затрат и результатов деятельности отдельных производственных ячеек, без чего невозможно осуществление хозяйственного расчета;

б) выбора структуры и наиболее эффективных способов производства продукции при разработке плана, исходя из локального критерия оптимальности;

в) принятия самостоятельных планово-экономических решений, когда происходят отклонения от оптимального плана (учитывая вероятностный характер экономического развития, такие отклонения являются правилом); при этом ценами и локальным критерием оптимальности можно руководствоваться лишь в случае «малых» отклонений от оптимального плана, при принятии решений в пределах ограничений данной производственной ячейки;

г) определения конкретной номенклатуры продукции, когда производственные ячейки получают задания от вышестоящего планирующего органа в агрегированных показателях.

Когда цены являются управляющими параметрами «вертикальных» производственных отношений в оптимизируемой экономической системе, они отражают взаимосвязь всех этих цепочек в решении единой задачи оптимизации целого, составляют элемент планомерного механизма регулирования социалистической экономики, элемент централизованного планирования и управления. Они определяются непосредственно как вклад малого приращения производственных ресурсов и продуктов в приращение величины народнохозяйственного, глобального критерия оптимальности. Эти цены вытекают из натурально-вещественных пропорций оптимального плана, способствуют его разработке, обслуживают его реализацию, позволяют организовать хозяйственное самодействие отдельных производственных ячеек всех уровней народнохозяйственной иерархии и направить его в русло общих интересов. Поэтому они выступают как инструмент согласования народнохозяйственной цели развития социалистической экономики и непосредственных целей хозяйствования отдельных

производственных объектов в условиях их экономической самостоятельности, самоокупаемости и пр.

Естественно, что такие цены характеризуют производственные отношения, формой движения которых является планомерность, направляемая действием основного экономического закона социализма. Искать принципы их формирования, приписывать им выполнение тех или иных функций, определять их количественно вне рассмотрения механизма оптимального функционирования социалистической экономики, разработки оптимального плана развития народного хозяйства теоретически несостоятельно, а практически вредно. Это может иметь своим следствием только несбалансированность, рассогласованность натурально-вещественных и ценностных показателей экономического развития при социализме.

Учитывая сложность экономики, непрерывную изменчивость конкретных условий воспроизводства, огромную размерность задачи разработки оптимального народнохозяйственного плана, он составляется в значительной мере в агрегированных (степень агрегирования зависит от уровня планирования) показателях продукции и цен, а потому, строго говоря, является условно оптимальным, оптимальным в агрегированных показателях. Дезагрегирование показателей, приспособление к конкретным условиям воспроизводства и их непредвиденным сверху изменениям в процессе развития оптимального планирования предполагает действие механизма «локально-горизонтальных» и «локально-вертикальных» производственных отношений, когда производственные ячейки (к ним условно относятся и потребители) по договоренности между собой могут определять конкретную номенклатуру продукции и цены на нее, или когда вышестоящие звенья той или иной «вертикальной» цепочки конкретизируют натуральные и ценностные нормативы относительно изолированно, вне непосредственной связи с решением единой задачи народнохозяйственного оптимума. В обоих случаях необходимое согласование локальных и народнохозяйственных интересов осуществляется апостериорно, задним числом, через частные изменения цен как реакции на несовпадение фактических уровней выпуска с общественной потребностью — кто бы ни был субъектом таких реакций — локальные ячейки или вышестоящие органы хозяйственного управления.

Чем менее развито системное, оптимальное планирование, его материально-техническая, организационная и информационная база, чем в меньшей степени оно подчинено объективным требованиям оптимальной процедуры одновременного формирования плана и цен, тем большее значение в хозяйстве приобретают эти локально-горизонтальные и локально-вертикальные связи.

Вот здесь существуют товарно-денежные отношения, здесь хозяйственная самостоятельность отдельных производственных ячеек в социалистическом обществе принимает характер их относительной хозяйственной обособленности.

Здесь в известном смысле, формирование ценностных отношений происходит стихийно, непосредственно они не определяются как цены оптимального плана и действует закон стоимости с иным принципом ценообразования. Но все-таки это «урезанные» товарно-денежные отношения, ибо в решающей мере их направленность и мера определяются непосредственно показателями централизованного оптимального плана, «системно-вертикальными» отношениями. И в данном случае важнейшим регулятором цен продуктов и ресурсов является их общественная полезность, вклад, который они вносят в достижение объективной цели экономического развития при социализме (только она действует опосредованно, через величину стоимости).

Концепция «планового товарного производства» при социализме, имеющая довольно многих сторонников, претендует на роль главной концепции, объясняющей природу функционирования социалистической экономики. Говорится о том, что товарные отношения являются элементом планомерного механизма, регулирующего социалистическую экономику, что закон стоимости нужно использовать как элемент планомерного регулирующего механизма.

Вся эта концепция социалистического планового товарного производства, планомерного использования закона стоимости и других законов товарно-денежных отношений при социализме, на наш взгляд, является теоретически весьма непоследовательной и не отвечает ни современной, ни перспективной общественной практике социалистического хозяйствования.

Существует объективная природа производственных отношений и точный смысл категорий политической экономии, который было бы абсурдно подвергать ревизии. Прежде всего это относится к одному из важнейших теоретических положений марксистско-ленинской политической экономии о несовместимости планомерности как общей формы развития социалистических производственных отношений и товарного производства как исторической формы стихийного регулирования хозяйства. Можно сказать, что К. Маркс и Ф. Энгельс, не обладая необходимым историческим материалом, не имели возможности учесть, что в социалистической экономике будут товарно-денежные отношения, сохранится в определенных пределах товарное производство. Но из этого отнюдь не следует вывода о том, что неверным является положение о взаимоисключении планомерности и товарных отношений. Это один из важнейших методологических выводов К. Маркса и Ф. Энгельса, который они сделали на основе теоретического анализа товарно-капиталистического хозяйства.

В той мере, в какой экономические отношения при социализме являются планомерными, они не являются товарными, исключают их. Естественно, что справедливо и обратное. В. И. Ленин, если и говорил о необходимости использования товарно-денежных отношений в переходный период от капитализма к социализму, никогда не считал, что товар можно определить как планомерно производимый и распределяемый продукт, ибо это просто «жареный лед».

Теоретический анализ социалистической экономики показывает, что не все производственные отношения в ней являются планомерными, планомерность не является всеобщей формой движения социалистических производственных отношений. Развитие социалистической экономики регулируется не только планомерно, хотя эта форма является господствующей и решающей при установлении темпов и пропорций расширенного социалистического воспроизводства, но и в определенной мере на основе действия законов товарного производства.

Планомерность и товарные отношения в социалистической экономике сосуществуют, но никак не являются элементом друг друга, как не являются таковыми социализм и капитализм, сосуществующие на нашей планете. Планомерность является следствием объединенности отдельных производственных ячеек социалистического общества, органически включающей в себя определенную степень их экономической самостоятельности, товарные отношения есть результат их хозяйственного обособления, т. е. экономической самостоятельности в условиях неоптимального, апостериорного и в этом смысле стихийного согласования локальных критериев функционирования с народнохозяйственным критерием. Эти экономические феномены объективно обусловлены, но не являются фор-

мой выражения друг друга. Усиление одного означает ослабление другого. Третьего не дано.

Можно в принципе сказать, что товарно-денежные отношения могут способствовать достижению тех целей, которые являются объективно стимулом развития планомерного социалистического производства (развивая экономическую самостоятельность как предпосылку сознательной оптимизации, способность хозяйственников проявлять инициативу, изыскивать дополнительные ресурсы, активно использовать договорные отношения), а потому правомерно вообще говорить об их усилении. Это является одним из главных стратегических замыслов проводимых в нашей стране и других социалистических странах хозяйственных реформ.

Товарно-денежные отношения являются элементом не планомерного, а общего механизма функционирования социалистической экономики, элементом, роль и значение которого обратно пропорциональны силе планового руководства экономической жизнью социалистического общества. Нельзя планомерно использовать действие закона стоимости, ибо это означает просто то, что он перестает действовать. Можно сужать и расширять сферу его действия, изменяя, если это объективно возможно, экономические условия, которые обусловливают действие закона стоимости.

Но в пределах определенных данных экономических отношений, если они таковы, что являются отношениями товарного производства, мы можем лишь наблюдать за стихийным действием законов товарного производства, которые апостериорно позволяют судить о мере пропорциональности распределения ресурсов. План может эффективно преодолевать эти отношения, лишь поскольку он осуществляет их целостную, системную перестройку.

* *
*

Важной задачей теории оптимального функционирования является дальнейшее развитие теоретических представлений об экономике развитого социализма. Первоначальные, по сути дела, натуралистические концепции плановой экономики оказались, как известно, неспособными объяснить многообразие ценностных форм реального социализма. На смену им пришли разнообразные концепции товарного производства при социализме, которые, давая, по видимости, простое объяснение этих экономических форм, на деле лишь «загоняли» главные трудности вглубь, на уровень сущности социалистических производственных отношений. Ибо если легко вывести ценностные (стоимостные) категории из наличия товарного производства, то совсем не просто объяснить масштабы и значение самого товарного производства в качестве основного источника ценностных экономических форм развитого социализма (особенно, если иметь в виду товарное производство в политико-экономическом, марксистском смысле этого термина). В итоге, вся совокупность ценностных категорий и инструментов оставалась по существу на положении «остаточных явлений», а сокрушительная критика товарно-денежных отношений, образующая основное содержание марксовой теории, продолжала влиять на оценку их использования в новых условиях.

Теория оптимального функционирования видит свою задачу в развитии подхода к явлениям хозрасчета, ценообразования и использования экономических инструментов, основанного непосредственно на анализе внутренних отношений планомерного функционирования социалистической экономики, без каких-либо апелляций к рыночно-стоимостным категориям.

Только на этой основе становится возможным объяснение социалисти-

ческих производственных отношений, в рамках которых преобладающие отношения планомерности, сталкиваясь с сохраняющимися явлениями экономической обособленности, приобретают ряд специфических черт, сближающих их по форме с традиционными категориями товарного производства.

Раскрытие внутренней структуры этих реальных отношений, отражающих сложное переплетение, взаимопроникновение и борьбу между растущими элементами общественной связи и сохраняющими свое значение элементами определенной локальной замкнутости, обособленности, образует одну из наиболее актуальных задач политико-экономического анализа оптимального функционирования социалистической экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Н. П. Федоренко.* Проблемы теории и практики оптимального функционирования народного хозяйства. Экономика и матем. методы, 1967, т. III, вып. 5.
2. *Я. А. Кронрод.* Закон стоимости и социалистическая экономика. М., «Наука»,1970.
3. *А. Г. Гранберг.* Проблема транзитивности индивидуальных и коллективных предпочтений при построении целевых функций. В сб. Количественные методы в социологии. М., «Наука», 1966.
4. *Н. П. Федоренко.* О методах социально-экономического прогнозирования. В сб. Методология прогнозирования экономического развития СССР. М., «Наука», 1971.
5. *В. Г. Афанасьев.* Человек в системе управления. Вопросы философии, 1972, № 8.
6. *Э. В. Беляев.* Проблемы социологического измерения. Вопросы философии, 1967, № 7.
7. *Ю. Н. Гаврилец.* Некоторые вопросы количественного изучения социально-экономических явлений. Экономика и матем. методы, 1969, т. V, вып. 5.
8. *Н. П. Федоренко, Ю. Р. Лейбкинд, Е. З. Майминас, А. А. Модин, С. С. Шаталин, О. М Юнь.* Система комплексного планирования. Экономика и матем. методы, 1972, т. VIII, вып. 3.

Поступила в редакцию
16 IX 1974